
ПУСТЫННАЯ РИХЛОВСКАЯ ОБИТЕЛЬ

СВ. НИКОЛАЯ.

(Изъ путевыхъ записокъ Ф. Ш. М. 1825 года.)

*(Посвящаю родителям-благодителямъ моимъ
А. С. и О. Н. Маргескимъ.)*

I. Обитель сія, расположенная на отлогости успешной горы, окружена лѣсами дремучими. Почертившія оныя времени снѣжны, гошнической архитектуры колокольня съ главными подъ оною вратами Монашья; кровли монашескихъ келій, выглядывающія изъ за ограды, оѣшенныя камнями и шополемъ и великолѣпная церковь съ блестящими куполами, предсказавшись взору моему изъ оконъ гошпиницы, находящейся въ нѣкоторомъ отдаленіи на самомъ возвышеніи горы.

Вечеръ былъ тихъ. Громкіе соловьи наполнили дуброву очаровательными переливами своего голоса. Я спѣлилъ изъ камнаны подъ открытѣйшій сводъ небесъ, насладившись благораствореннымъ воздухомъ: вхожу въ лѣсъ и ни помцы вѣковъ не проспери на меня священную шѣнь свою, пернатые жилили лѣса привѣщивовали меня своимъ пѣніемъ. Деревья посплелались вѣтвями, и я проходилъ подъ шѣмными сводами ихъ; по пирамидальнымъ вершинамъ сосенъ высоко возносились къ небесамъ. Овраги и небольшія поляны, опушенныя кустарникомъ лежали по пущи; воздухъ пресыщенъ былъ благоуханіемъ цвѣтень, надъ водами вились разноцвѣтные мотыльки. Наконецъ прошедши узкою тропкою, вѣнющеюся въ чащѣ лѣса, я очутился съ другой стороны Монашья, на краю горнаго утеса. Внизу опять подошвы онаго зеленѣющаго обширная долина, которую лунообразно обхва-

пываютъ горы; величественная Десна капиная по оной въ оплогихъ берегахъ въ виду обитали, — но довольно отдаленная, она отъ лучей заходящаго солнца блистала какъ необъятный рубинъ въ изумрудовой урнѣ. Вершины лѣса, вѣщающаго скалы горъ и дикія скалы осыпаны пурпурнымъ блескомъ. Подернутыя испареніями цвѣтовъ пространства, мерцающія за рѣкою, понули во свѣтъ, блистающаго на рубежѣ земли, великолѣпнаго свѣтила; ярко играли лучи его на златыхъ главахъ пустынного храма и алымъ румянцемъ подернуты были стѣны, обращенныя къ западу.

Молодой охотельникъ, сидя на скалѣ подъ тѣнію многолѣпняго каштана, восхищался прекраснымъ вечеромъ въ прелеснѣйшихъ окрестностяхъ. Не видя меня, стоящаго на томъ же утесѣ за кустами терновника, онъ предавался вполне влеченію мыслей

102 Пустынная Рихловская Овитель
въ безмолвной бесѣдѣ съ природою.
Пріянные впечатленія волновали ду-
шу его; по радость являлась на лицѣ,
по онъ предавался задумчивости. И-
ногда величіе блистало во взорахъ его;
по временамъ чело его выражало пол-
ное самоопроверженіе, и улыбка равно-
душія, какъ бы презирая все земное,
скользила на устахъ; или съ благого-
вѣніемъ и выраженіемъ преданности
безпредѣльной, онъ возводилъ глаза
свои, полные слезами, къ небу и искалъ,
казалось, Творца всего сущесwвую-
щаго.

Но вонъ раздался звукъ колокола,
призывающій опшельниковъ къ ве-
черни. Черезъ нѣсколько минутъ они
изъ разныхъ споронъ лѣса начали спе-
скапъся въ обшель, неся въ корзи-
нахъ землянику, грибы или врачебныя
правы.

Я вошелъ во внутренность ограды.
Монахи выходя изъ келій своихъ, гдѣ
длинныхъ мантіяхъ, спѣшили по кры-

пымъ аллелмъ къ вечерпѣ. Иные перебиралъ чонки переходили между гробницами; оснапавливаясь передъ оными, тихо читали молитву, и легкій вѣтерокъ спруилъ покрывала ихъ. Гробовыя монументы, обсаженныя цвѣтами, спорожа прахъ усопшихъ, смѣренно спелуются вокругъ величественнаго храма.

Во храмъ раздавались пѣснопѣнія и эхо, пробѣгая подъ сводами, медленно умирало въ высотѣ. Опъ свѣчей разливался унылый, пріятнѣйшій свѣтъ окрестъ намѣстныхъ иконъ, тогда какъ великая часовъ храма покоилась во мракѣ. Надъ Царскими вратами теплилась лампада предъ чудотворнымъ образомъ Св. Николая. Небольшое число моельщниковъ, преклонивъ колѣна, возносили молитвы свои къ Началу всѣхъ началъ. Почтенный спарецъ по окончаніи жерпвы вечерній, благословилъ моельщихся и всѣ начали расходиться. Вмѣстѣ съ родителями

моими и спутниками я также возвратился въ гостиницу.

Прелестная ночь очаровала меня. Еще долго сидѣлъ я на балконѣ, наслаждаясь восхищительнымъ зрѣлищемъ. Величественно капилась луна по своду, усыянному звѣздами, освѣщая безмолвную обитель; блѣдное зарево видѣлось черезъ долину на западѣ, и напѣвы соловья разливались во мракѣ лѣсовъ, подобно какъ въ душѣ разливаешься иногда мысль о щастіи. По временамъ я погружался въ задумчивость; различныя мечты вились въ воображеніи, различныя чувства волновали душу мою. Мнѣ по временамъ грустно было, взирая на обитель, для того, что мы такъ мало имѣемъ извѣстій о многихъ мѣстахъ, находящихся въ Малороссіи. Сокрытые во мракѣ лѣсовъ, или нависшіе надъ бездною воды монастыри, заключающіе въ себѣ сокровища: но извлеченъ ли ихъ когда либо рука

мудраго?.. Какой бы свѣтъ тогда пролился на исторію козаковъ Малороссійскихъ, славныхъ своими нещасіями! Теперь же мы довольствуемся неполными, а можетъ быть и невѣрными повѣстями о знаменитой спорѣ.

Сколько предметовъ въ странѣ сей, мыслилъ я, на кои люди взираютъ равнодушно? Дѣянія достойныя быть примѣромъ для человѣчества, не воспоминаются даже тогда, когда мѣсто, гдѣ оныя совершились, попирается снопами нашими. Но если бы мы знали ихъ, мы живо представили бы рядъ происшествій, слѣдуя непримѣтно за ихъ началомъ и окончаніемъ. Мѣсто совершенія происшествій принимается, кажется, жизнь, и какъ существо одушевленное требуетъ участвія нашего въ судьбѣ своей. Мы невольно предаемся сладкимъ и горестнымъ чувствамъ, живемъ за нѣсколько вѣковъ и хотя наконецъ очарова-

ніе исчезаєть, — но мѣсно, доставившее намъ пріятнымъ мгновеніямъ, на долго оснаеніе въ памяти. Мы увидимъ передъ собою лѣса и развалины; но они въ глазахъ нашихъ подобны уже могилѣ друга, которымъ утѣждалась жизнь наша. А предметны и прекрасныя, но неосвященныя воспоминаніемъ, не похищая участія сердечнаго, скоро забываются, ничего въ душѣ не оставляя. (*)

II. По миру, заключенному въ Деулинѣ между Россією и Польшею, области Смоленска, Чернигова и Сѣверіи остались подъ вліяніемъ послѣдней Державы. Густые лѣса, покрывавшіе берега Десны и Сейма въ области Сѣверской, переспали оглашались

(*) Одинъ монахъ доставилъ батіоникѣ моему рукопись, заключающую въ себѣ краткое описаніе Рихловскаго монастыря. Слѣдуя оной я излагаю нѣкоторыя черты существованія обители сей, присовокупивъ замѣченное мною, во время нашего тамъ пребыванія.

стопами поселянъ Малороссійскихъ, кои трепеща гибели, искали убѣжища въ оврагахъ и дебряхъ непроходимыхъ, ибо враждовавшіе Поляки, изъ политическихъ опасеній или ненависти за вѣру, громили Украину, когда возгоралась война между Сѣверною Державою и Сарматами. Плачевныя позорища тогда представляла Малороссія, записанныя кровью въ лѣтописяхъ сей страны. Народы, угнѣтая одни другихъ, не знаютъ, что ожидаетъ ихъ въ будущемъ! Паденіе Державы Сигизмундовъ примиряетъ наконецъ обитателей ея съ попомками козаковъ Малороссійскихъ.

Какъ послѣ грозы, природа согрѣвшая лучами благотворнаго свѣтила оживляется; такъ и миръ, проливая въ сердца успокоеніе, воззвалъ Украинцевъ изъ мрака лѣсовъ на поля родныя, подъ ихъ опеческіе кровы. Снова принялись они за мирныя занятія, оснава Козакамъ - юношамъ искапъ

славы съ Запорожцами; пригупляя мечи свои о косыи Магометанскіа на долинахъ Тавриды. Кто изъ соотечественниковъ, съ тайнымъ чувствомъ удовольствія не воспоминаетъ о временахъ ихъ, о временахъ славы козаковъ Малороссійскихъ! Но, увы! эаа слава дорога стоила для Украйны! Сколько разъ родная кровь упучняла землю и безъ того плодородную, благословенную дарами небесъ! Такова учаспъ всего подлуннаго: пройдушь вѣки; воспоминаніе представитъ карпины ужасающія душу; и въ эаихъ картинахъ еспъ предметы для сердца драгоцѣннѣйшіе!

На горныхъ берегахъ Десны, осѣненныхъ дремучими лѣсами, Малоросіае имѣли свои *пасики*. Въ нѣдрахъ сполѣтнихъ елей и вѣковыхъ дубовъ гнѣздились прудолубивыя пчелы: туда сносили онѣ дань полей и долинъ цвѣтущихъ. Сіа пріюшы пчелъ, а также

разспавленные по деревьямъ борщи и ульи для размноженія сихъ насѣкомыхъ, принадлежали разнымъ владѣльцамъ; но святоство собственности была ненарушима: ни кто не могъ прикоснуться къ борщю со злымъ умысломъ, подобно какъ пчела знаетъ гдѣ обитаетъ царица ея и не смѣетъ похищать трудовъ улья, къ которому не принадлежитъ она. Пріятно видѣть таковой обычай между непросвѣщенными народами; но это было въ старину, а нынѣ развѣ между пчелами подобныя обычаи ослабѣли во всей числотѣ. Чпожъ дѣлать? всегда и вездѣ добро перемышано со зломъ: такова игра природы.

Спарки обыкновенно имѣли надзоръ за пчелами и назывались *пасичниками*. Такимъ образомъ, въ сіе время общаго согласія Малороссіи съ Польшею, одинъ пасичникъ деревни Оболонья, (*) уважаемый всѣми за

(*) Оболонье, селеніе Черниговской губерніи, Ко.

добродѣтельную жизнь и масшпсную сшаросшь, ходилъ однажды по лѣсамъ, осмашпривая пчелъ своихъ. Всѣ боршн его были благополучны: благодаря Бога, онъ радосшно взиралъ на заботливосшь шрудолубивыхъ пчелъ. Жужжаніе ихъ, смѣшанное съ шумомъ лисньевъ дубравы, наводило на душу его сладосшное чувсшво. Погруженный въ размышленія, онъ медленно шель по мрачной дебри; ни что не нарушало его спокойсшвія. . . Но вдругъ блисшася предъ нимъ свѣтъ необыкновенный: мразъ и огонь пробѣжали по челу сшарца, и сердце его сильно зашрспенало. Онъ виднлъ въ вѣпвахъ величсшвеннаго клена образъ, и, полный благоговѣйныхъ чувсшвъ, повергаешя ницъ предъ свяшынею: то было изображеніе Угодника Божія Ни-

пошоскаго повѣта, онъ знаменнаго Банурина разсшолніемъ на 40, а онъ Новгорода Сѣверска на 50 версш. Оно расшоложено при берегѣ Десны.

колая. Слезы умиленія и неизъяснимой радости оросили браздисное лицо сшарца и нѣжно непоснижимое наполнило его душу.

Благоговѣйныя чувства къ дѣламъ милосердія Божія всегда должны быть священиы. Мы пишемъ сію испорію для вѣрующихъ съ чистымъ сердцемъ благослени небесной. Но пусть не думаютъ, чтобы шаквая вѣра производила ошъ изсшупленій, пораждаемаго суевѣріемъ: нѣтъ! испочникъ сей вѣры гораздо чистѣйшій и пошншій несравненно возвышеннѣе. Мы вѣримъ всемогущесшву Бога, почемужъ не вѣримъ и явленіямъ сверхъесшесшвеннымъ, кои по Его волѣ могутъ совершанься? Милосердіе его къ намъ безпредѣльно, не взирая на наши пресшупленія: кровь агнца умилошшвила Его! Были Угодники, возлюбившіе Его до конца, и нынѣ есш люди, кои почіошъ въ любви Его, копхъ мошшшвать. Ошъ внимаешъ и позволяешъ

имъ видѣшь чудеса своего могущества. Сколько примѣровъ сему и въ наши дни? За чѣмъ же сомнѣваться въ явленіи Святыхъ иконъ? Конечно онѣ произведеніе рукъ человеческихъ; но развѣ по волѣнію Создателя могущественный ангелъ не можетъ перенести лика Св. Угодника изъ отдаленной страны въ мѣсто, гдѣ предназначено явиться оному? Можетъ быть Милосердый Создатель желаетъ, — да люди имъ любимые воздвигнутъ тамъ Аларь для безкровной жертвы? Да подражаютъ живущіе дѣяніямъ того, чей образъ онъ прославляетъ?

При этомъ же чувствѣ сіи такъ благочестивы, такъ безвредны для человечества, что иппаешь ихъ безъ малѣйшаго укора совѣсти и разума. Явленія сіи служатъ еще нѣкоимъ образомъ къ утвержденію въ правилахъ добродѣтели, подобно какъ звѣзды, являющіяся мореплавателямъ,

обуреваемымъ волнами во мракѣ ночей.

Съ чиспымъ вѣрованіемъ явленію Свяпыхъ иконъ, кпо усомнился въ чудесахъ, являемыхъ онѣмъ ихъ свяпымъ? Угодникъ Божій призываемый на помощь несчастными предъ ликомъ его, не молишь ли въ сіе время Всемилосердаго о помилованіи ихъ? Не пролепѣ ли, ради молитвъ его, и Всевышній милоспи свои долу? Не пзъ его ли источникъ произтекающъ всѣ чудеса, получаемыя нами онѣмъ свяпыхъ иконъ? . . . О, вѣра спасительная! Ты одна можешь пролить свѣтъ чиспѣйшій на тѣму разума нашего; ты одна можешь воскресить спокойствіе души, когда обуреваемую бѣдснвіями, ни что не могло бы уже спасти онѣмъ гибели и опчаяніа!

Добрый старецъ, молившійся предъ иконою Свяпшесля, пощился попомъ пріять оную со древа и покрылъ жаркими лобзаніями. Какія сладосн-

114 Пустынная Рихловская Обитель

ныя мгновенія были для бытія его? Прижавши къ груди своей, онъ въ благоговѣніи и святой радости идесть оппюль, проходишь мракъ лѣсовъ и вступаешъ со святынею въ свое жилищѣ. Семейство его узнаешъ о семъ чудесномъ произшествіи и радость дѣлается общею. Св. Икона помѣщена близъ Спаса и лика Пресвятыя Дѣвы. Папріархъ со всѣмъ семействомъ проливалъ моленія, какія покло могутъ родиться въ душахъ, пораженныхъ необыкновеннымъ событіемъ. Но Богу благоугодно было, чпобы ликъ Угодника явленнаго въ пустыни, намъ и находился.

Проходишь ночь. Старецъ спѣишь вознести молитвы утвенія ко Господу и поражается недоумѣніемъ: Иконы Святишелевой не было уже подлѣ Спаса!... Послѣ многихъ размышленій онъ идешь въ дубраву и на томъ же древѣ видишь Святыню. Починяя, что Небо желаешъ испытать усердіе

его и перифію, онъ дерзаетъ пренести ликъ Угодника въ хижину свою; но напрасно! Опянь образъ восхищенъ въ слѣдующую же ночь въ пустыню, и еще разъ совершилось таковое же чудо! Денжмый благоговѣйными чувствами и удивленіемъ, наводившимъ на него священный ужасъ, не смѣетъ онъ болѣе прикасаться Святыни. Онъ извѣщаетъ священника. Вскорѣ слухъ о семъ дивномъ произшествіи разнесся въ окрестностяхъ; народъ стремился въ пустыню во множествѣ; служители Алшаря пѣли Угоднику Божію молебны и изцѣленія щедро изливались на молящихся.

Усердныя приношенія продолжались. Вскорѣ построена была часовня для Св. Образа. Многіе пасичники приносили въ оную воскъ опъ пчель своихъ для свѣчей Угоднику. Снареіъ же, обрѣтшій Святыню, еще болѣе сталъ уважаемъ; радость и неизъяснимая благодарность ко Всевышнему

наполняли душу его и закапъ дней его былъ самый возжеланный!

III. Явленіе иконы Священнаго Николая, именуемаго Рихловскимъ, случилось во время царствованія въ Россіи Михаила Феодоровича и Папріаршества Филарета, въ 1620 году отъ Р. Х. Въ послѣдствіи, какъ извѣстно, Гетманъ Богданъ Хмельницкій, желая спасти Малороссію отъ бѣдствій, наносимыхъ ей Поляками, соединилъ ее съ Великимъ царствомъ Рускимъ при Царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ. Тогда страна сія спала наслаждаться лучшею участію. Общественная безопасность упрочилась по возможности и Греко-Россійское вѣроисповѣданіе получило полную свободу. Воздвиглись новые храмы и обители, подобно какъ природа изторгнись изъ хладныхъ оковъ зимы, произрастаетъ злаки и покрываетъ рощи зеленою. Таковое измѣненіе дѣлъ политичес-

кихъ имѣло благопріятное вліяніе на дуброву Угодника Божія.

Генманъ сирадалъ тяжкою болѣзнію и старанія врачей казались тщетными. Въ сіе время дошли до Генманскаго двора слухи о чудесахъ, являемыхъ въ пусынь, отъ иконы Св. Николѣя. Желая получить изцѣленіе, Богданъ, уповаю на Святую, повелѣлъ готовиться къ путешествію свинѣ своей, и везти себя больного на поклоненіе. Усердныя молитвы его были услышаны, и онъ получилъ чрезъ Угодника Божія скорое выздоровленіе. Въ чувствахъ благодарности онъ далъ обѣтъ воздвигнуть храмъ въ честь Священителя, и сдѣлавши повелѣнія, самъ посѣщилъ на защиту отечества. Въ то время, когда онъ поражалъ Поляковъ и внесъ ужасъ въ самое сердце Королевства, поспросена была Государственнымъ иждивеніемъ церковь, на краю утесистой горы. Пресноль утверждена

въ оной на пниъ того дерева, на которомъ явился ликъ Угодника спарцу пасичнику. Сей храмъ, по перенесеніи въ оный образа Св. Николая, былъ освященъ и Епископъ предписалъ, чинобы Маія 9-го и Декабря 6-го одинъ изъ Священниковъ села Оболяня непременно совершалъ Литургію въ честь Священнаго. Въ сіи дни народу спекалось множество въ пустынный храмъ и новыя чудеса распространяли славу иконы. Въ это время случилось происшествіе, сохраненное въ лѣтописи, отъ котораго образъ, а въ послѣдствіи и самая обитель названа Рихловскою.

Очередной Священникъ, Василій, упомянутого селенія, неизвѣстно по какимъ причинамъ располагалъ 9-го Маія осыпаться въ деревни, отъ чего храмъ Свяннаго, въ день пренесенія мощей его, остался бы безъ литургіи. Спросишь, или болѣзнь была тому причиною, неизвѣстно! Только

передъ разсвѣтомъ того дня являе-
ся ему въ сновидѣніи Святитель Ни-
колай, съ лицомъ кропкимъ, подоб-
нымъ тому какъ изображенъ на ико-
нѣ, и говоритъ ему слѣдующія слова:
(сохраненныя въ лѣнописи) „Василіе
почпо не радши о званіи своемъ, въ
него же призванъ еси опъ Бога? По-
что оставилъ мой храмъ пуспынный
безъ благословенія Бога, Царя дивна-
го во Святыхъ? Почпо облѣнился
еси утѣлиши вѣру, жаждущихъ лю-
бовію пѣніа церковнаго? Празднолю-
бе! опдаси опвѣпъ нелицемѣрному
Судіи, Пастыреначальнику пвоему,
Архіерею будущихъ благъ, Іисусу Хри-
сту, Святѣйшему Сыну Божію, при-
зававшему пѣ въ санъ Священниче-
ска, быши строителемъ паниъ Сво-
ихъ: се бо предстоипъ безчисленная
полпа народа въ моей пуспынѣ, яко
овцы, неимущія пастыря! Возспани
убо и потщися яко Іерей, и благого-
вѣйный, и убойся опъ праведнаго не-

годованія слыше, на творящія дѣла Божіе сънебреженіемъ!“ Душа Василія попряслась опть словъ сихъ. Онъ внезапно пробудился усипрашенный и разслабленный, и возопиалъ: “Рихло, рихло, рихло везише мя въ храмъ Свяшипела Николая, къ чудопиворной иконѣ его, яко да изцѣлюся; яко согрѣшилъ на небо и предъ нимъ!“ Немедленно отправился онъ въ пустыню, гдѣ уже собирался народъ вокругъ Свяшаго храма, въ ожиданіи литургіи, иные сидѣли подъ тѣнію деревъ, другіе ходили по лѣсу. Тамъ по предъ иконою Свяшаго, Василій со слезами принесъ покаяніе, и по милосердію Божію, прошелъ недугъ его; но волненіе чувствъ, и сильное біеніе сердца не позволяли ему совершить Литургіи. Всѣ предстоящіе паллигрымы пришли въ уныніе опть того, что не будетъ службы Божіей и они не могутъ излить вполне чувствъ благодарности Свяшипелю, въ полно-свя-

щенный день. Но Создатель благоволилъ явить великое чудо, для прославленія Угодника своего, предъ лицомъ нѣсколькихъ тысячъ народа.

Уже уныніе народное, превратившись въ ронопъ, распространилось по пусыи подобно волненію моря, возснавшему отъдыханія бури; но вдругъ все утихло и воцарилось глубокое молчаніе при видѣ появляющейся колесницы, коюрая блистала необыкновеннымъ свѣтомъ. Бѣлыми, какъ снѣгъ, конями управлялъ юноша, красавы неописанной; подлѣ него возсидѣлъ въ колесницѣ спарець, почтеннаго вида: въ рукахъ онъ держалъ иѣчто сокрытое въ бѣломъ плащѣ. Быстро мчитсѣ колесница, толпы народныя расступаются; вопъ уже она передъ входомъ во храмъ, и, въ мгновеніе ока, какъ молнія исчезаетъ съ юношею и конями: остался одинъ спарець!... Явленіе сіе произвело ужасъ въ народъ: мысли и взоры всѣхъ обра-

Ч. XLII. Кн. СХХ. 6

пились къ пренесенному. Спарецъ, шоржеспивенно возвъщаепъ: „Я Священникъ Новгорода-Сѣверска; нынѣ шелъ въ приходскую церковь, съ просвирами и виномъ, для совершенія Литургіи. Вдругъ являепся предо мною юноша, коего вы видѣли, и именемъ нѣкоего большаго Іерея Василія, желающаго со множеспивомъ народа услышаніе Священнодѣйспіе, проситъ, чинобы я съ нимъ слѣдовалъ; и прежде, нежели я могъ сообразить слова его, насъ восхитила колесница. Я не могу понять, какъ быстро летѣли мы черезъ великое проспранспиво земель и какъ я очутился предъ храмомъ симъ!“ Народъ ликуепъ! радоснѣ свержъеспивенная наполнила сердца всѣхъ! Хвала Бога и Угодника Его, пиллигримы восклицали: *рихло!* (*)

(*) На Польскомъ языкѣ слово сіе выражаепъ скороспъ, быспропу; въ то время многіа Польскія слова употреблялись въ языкѣ Малороссійскомъ.

Василій, пронувшій до глубины души любовью Бога, явно ему оказанною, пролилъ слезы благодарности. Ѳеодоръ, (имя пренесеннаго Священника,) совершилъ Литургію, и всѣ священные обряды. По окончаніи всего, молеыцки, осѣненныя благословеніемъ пастыря, спали расходиться изъ священной пусыны, съ чувствами благоговѣнїа, удивляясь великому событію, коего они были свидѣтелями. Слухъ быспро разнесся о семъ чудесномъ произшествіи и гласъ народа наименовалъ образъ Священнела Рихловскимъ.

Оспразивъ враговъ опечесшва, Генманъ, покрышый славою, возвратился въ благословляющую его родину. Запимаясь дѣлами виушренняго усройсшва сыраны своей, онъ не выпускалъ изъ памяни благодарнїа, полученнаго у образа Священнела. Слыша о номъ, необыкновенномъ чудѣ, онъ обѣщавался во имя Николая Рихлов-

скаго воздвигнуть обитель, построение коей возложилъ на родственника своего Василя Хмельницкаго. На издвигеніи Гепмана въ 1666 году сей Монастырь конченъ и освященъ. Всѣ строенія въ ономъ были деревянныя. Въ шаковомъ положеніи онъ существовалъ до временъ Императрицы Елизаветы: въ сіе же время зданія монастырскія сдѣлались вѣшхи и должно было заботиться о возобновленіи обители. Въ послѣдствіи монастырь построенъ каменный, и теперь, хотя нѣтъ уже и слѣдовъ зданій Хмельницкаго; но воспоминанія о славномъ Гепманѣ до нынѣ живутъ во святынищѣ обители.

(Оконч. 62 слѣд. книжки.).

ПУСТЫННАЯ РИХЛОВСКАЯ ОБИТЕЛЬ

СВ. НИКОЛАЯ.

(Окончаніе).

Нынѣшняя обитель одолжена существованіемъ двумъ клипорамъ своимъ; это были: Ѳеодоръ Ивановичъ Кайновскій и Пётръ Лазаревичъ Чижевскій, Бригадиры Имперіи. Они неуспынно пеклись о благолѣпіи церковномъ, и, распоряжая благоразумно сокровищами монастырскими, частію же своимъ собственнымъ достояніемъ и приношеніями усердныхъ Христіанъ, воздвигли обитель каменную, которая приведена къ окончанію въ 1745 году.

Лѣтопись къ сему времени описываетъ очень любопытное происшествіе. Капедральная церковь Обители сей не могла бытъ приведена къ окончанію въ скорости, по неимѣнію рѣшенокъ для оконъ и другихъ желѣзныхъ вещей. Строители заботились, гдѣ бы достать таковыя лучшей доброты и предвидѣли великую медленность: поелику въ то время хорошихъ заводовъ для издѣлій металлургическихъ въ Малороссіи не было, то должно бы дожидаться: пока требуемыя вещи, будутъ выписаны изъ за-границы и доставлены въ пустыню. Но слѣдующее обстоятельство совершенно перемѣнило назначенія и заботы дѣятельныхъ кнѣзюровъ. Въ то время, когда по выше изъясненнымъ причинамъ должно было оплощить окончаніе капедральной церкви, въ пристани деревни Оболонья остановились суда, шедшія по Днѣпръ изъ заводовъ Демидова въ Кіевъ, съ желѣзными ве-

щами, предназначенными для церкви Андрея Первозваннаго. Ночью, Св. Николай явился правителю судовъ во сновидѣніи, повелѣвая ему доставить извѣстное число вещей въ Рихловскую обитель. Судоправитель, повѣдавши товарищамъ своимъ видѣніе, рѣшается исполнить повелѣніе ему Святымъ, полагая дѣло сіе угоднымъ Богу. Вещи немедленно были доставлены плаващелами въ пустынную обитель, и Капедральная Церковь тогдаже приведена была къ окончанію. Но поелику вещи, доставленные въ обитель, зависѣли отъ казны, по необходимо было увѣдомить о семъ Правителя области, который донесъ тогда бывшему Генералу, а сей довелъ до свѣденія Императрицы Елизаветы. Въ послѣдствіи времени Императрица въ 1745 году, Іюня 30 дала рескриптъ Игумну Рихловской Обители Елисею, коимъ позволено было вещи, завезенныя въ монастырь пла-

198 Пустынная Рихловская Обитель

вапеллями, оставивъ въ ономъ безъ плапы, и приславъ только вѣдомость въ Императорскій Кабинетъ, на какую сумму оныхъ доставлено, Указомъ же 22 Марта 1749 года определено на содержаніе сего монастыря въ годъ по пятисотъ рублей

По несчастію, большая часть новопостроенной Обители превращена въ въ развалины пожаромъ, случившимся въ 1754 году; но неусыпнымъ спараніемъ Чижевскаго и Коченовскаго, обитель сія опять возобновлена и въ 1760 году освящена Преосвященнымъ Епископомъ Черниговскимъ и Нѣжинскимъ Ирикліемъ Комаровскимъ.

Въ послѣдствіи времени, главныя зданія монастырскія особенной перемѣны не потерпѣли; но въ нѣкоторыхъ частяхъ воздвигнуты новыя снѣжны, а также сдѣланы пристройки, состоящія въ красивыхъ домикахъ. Сіи послѣдніе построены богатыми людьми, желавшими окончить

дни свои въ стѣнахъ монастырскихъ. Они расположены по близости келій; предъ окнами оныхъ возвышаются красивыя деревья и благоухаютъ цвѣты.

Церквей въ обители три: одна о пяти главахъ, во имя Св. Николая, Соборная, гдѣ и чудотворная Икона находится, она расположена по срединѣ двора обители, вокругъ неё возвышаются капианы и гробницы. Другая церковь во имя Великомученицы Варвары, находилась за первою, въ углубленіи монастырскаго двора. Внупри оной, съ обѣихъ сторонъ колоннада Римскаго ордена поддерживаесть сводъ, идущій въ длину храма. Столбы подведены подъ черный мраморъ. Въ сію церковь переносить Св. Икону въ зимнее время. Третья церковь построена на концѣ обители, и посвящена Святымъ Праведнымъ Захарію и Елизаветѣ. Пресполь оной утверждень на томъ мѣстѣ, гдѣ возвынялся великолѣпный клеть, на вѣтвяхъ

когого древлѣ явился чудотворный образъ Свѣшителя. Она находится на горномъ утѣсѣ; почти съ шрехъ споронъ зѣлетъ пропасть, вдали открывающія прелестныя виды, а самое еѣ осѣняютъ вѣковыя древа.

Въ монастырѣ семъ были нѣкогда Архимандрины; но когда въ новѣйшія времена обратили его въ свѣтшанный, то нынѣ управляетъ онымъ Настоятель. Монаховъ считается до тридцати, безъ пѣхъ, кои проживаютъ въ ономъ, приходя изъ Іерусалима и горы Афонской. Кромѣ сего есть послушники и служители монастырскіе, живущіе въ госпитницѣ. Плнѣ плодоносныхъ садовъ, шщательно обрабатываемыхъ иноками, лѣса, сѣнокосы и приношенія моельщниковъ, даютъ сей обители возможность содержать себя. Въ госпитницѣ, построенной въ нѣкошоромъ отдаленіи отъ спѣтъ монастырскихъ, определенъ безмездный приютъ для

паллигримовъ. Но поелику многіе хотѣли для обители жертвовать, по сего утверждена въ общей залѣ кружка, за монастырскою печатью.

Къ чести сей обители можно оппелси то, что рѣдко въ иной найдутся такъ привѣтливые и радушные иноки; духъ же крошости, управляющій дѣяніями оппелельника, болѣе всего приличенъ ему и пораждаетъ въ сердцахъ уваженіе и любовь къ особѣ его.

IV. На другой день пріѣзда нашего, мы слушали литургію въ Соборѣ обители, и послѣ обѣда ходили осматривать съ добрыми монахами примѣчательныя мѣста, въ окрестностяхъ монастырскихъ. За чащею лѣса, во мракѣ сполѣнныхъ елей находилась скипокъ, давно построенный монахами-прпелельцами. При немъ небольшой садикъ, гдѣ рѣлись оранжевыя черешни, коими тамъ живущій оппелельникъ насъ поощивалъ. Въ тѣни орѣшника показывають мѣсто, гдѣ возно-

сплъ молитвы свои ко Всевышнему одинъ изъ спроишелей скипка сего, когда поварищи его жизни и трудовъ, переселились въ предѣлъ иной. Въ свяпыхъ восторгахъ своихъ онъ вѣрояпно созерцалъ тѣни ихъ, между небожипателями, и спремился къ нимъ душою, наконецъ она, оставя пленное тѣло, воспарила къ вѣчному Началу. Въ верпоградѣ, подъ тѣнію черешень и розъ, сокрыты въ нѣдрахъ земли бранные оспатки его. Скипокъ опустѣлъ, и нѣсколько времени никпо въ ономъ не жмлъ; но въ послѣдствіи въ обипели положено, чтобы одинъ изъ спарцевъ, избиралъ скипокъ сей для водворенія, что и до нынѣ исполняется.

Въ другомъ мѣстѣ, въ глубокомъ яру, находипся монастырская пасика. Обнесенная высокими опѣнами, она заключаепъ въ оныхъ нѣсколько сотъ борпей и келію, въ коей живепъ почтенный спарець, ухаживающій за

пчелами. Онъ весьма радъ былъ приходу нашему, показывалъ намъ свое заведеніе, и потомъ предложилъ блюдо янтарныхъ, благоухающихъ соповъ.

Въ отдаленіи отсѣлѣ, съ другой стороны обитали, мы осматривали пещеры, изрыпныя предъ симъ лѣтъ за сповосемьдесятъ. Въ рукописи упоминается, что въ то время, когда существовала первая церковь въ пустыни сей, пещеры сіи воспріали начало.

Церковь Св. Угодника, съ его чудотворною иконою, находясь въ дремучемъ лѣсу, вдали отъ свѣтскаго шума, привлекла къ себѣ опшельниковъ. Проводя дни въ уединеніи, они на скалѣ глубокаго дра, осѣненнаго деревьями, не вдалекѣ отъ пустыннаго храма, рыли пещеры, и построили при входѣ въ оныя келію, кою сѣ служила имъ водвореніемъ. Въ сію келію они переносили иногда Св. Икону: въ усердныхъ молитвахъ они просили о низ-

посланіи спокойствія отечеству, о спасеніи человѣчества, и о поданіи имъ самимъ помощи для понесенія духовной жизни.

Евсѣпій, Елисей и Ілія, (такъ назывались опшельники), подвизаясь въ пущинахъ сей, подавалъ благочесивые совѣты приходящимъ къ нимъ, врачевали ихъ недуги и пишались овощами, собираемыми въ лѣсу, и подаяніями окрестныхъ деревень. За таковымъ подаяніемъ Елисей и Евсѣпій оплучились въ ближайшую весъ; а Ілія собиралъ въ дубровѣ цѣлебныя травы. Вечеромъ на возвращномъ пути, первые вспрѣнулись съ Іліею, и пошли къ пещерамъ своимъ. Но ихъ поразилъ ужасъ, когда они съ противоположнаго холма увидѣли пылающую келію свою, въ коей находилась тогда Св. Икона. Порывы прехъ снарцевъ спасши оную были бы невозможны: пожаръ произошелъ изъ внутренности хижины. Восковая свѣча,

горѣвшая предъ ликомъ Угодника, вѣроянно обшаявши склонилась и зажгла бывшія напой кіюпѣ книги. Пламя усилившись, пожрало уголь спроенія и, коснувшись соломенной кровли, мгновенно разлилось надъ келіею, начало свирѣпствовать со всею силою. Когда опшельники прибѣжали къ погибающему жилищу своему, оно уже рушилось въ связяхъ и представляло пылающій косперъ, съ коего валились горящія бревна. Ночь покрыва мракомъ природу ; одно лишь зарево печальнымъ свѣтомъ обливало вѣковыя деревья, онѣ коихъ шѣни разсплались въ различныхъ направленіяхъ по скапу яра.

Безъумѣнные спарцы, видя немоцъ свою {предавались попеременно моленіямъ, слезамъ и отчаянію. . . Но время ленѣло и наконецъ пламя, не имѣя болѣе пищи, изсякло. Иноки ринулись на пепелищѣ. Но сколь велико было ихъ изумленіе, когда, разгребая пепель,

при блѣдномъ свѣтѣ всплывшей на небо луны, оѣи узрѣли Св. икону Угодника! Образъ былъ цѣль и невредимъ!

Успокоеніе пролилось въ душу иноковъ. Они, исполненные радости, перенесли Святыню во храмъ, и съ тѣхъ поръ ни когда уже не осмѣливались брашъ оную опшолѣ, хопя и поспроили новую хижину. Чудесное спасеніе образа во пламени, содѣлалось гласнымъ. Опшельники, повѣсивъ объ ономъ многія лѣпа, почли вѣчнымъ сномъ въ обители, копорая подъ конецъ ихъ жизни, воздвигнута была Генманомъ.

Теперь и слѣдовъ нѣтъ келій сихъ опшельниковъ. Пещеры поросли павеликою и плющемъ: уже не входянгъ болѣе во внутренность ихъ. Снѣжны, часцію обрушенныя, покрываются зеленѣющимъ мхомъ. Муравчатый коверъ снелелся передъ опверснѣемъ по скапу яра, оѣноннаго плакучими березами. Невольно задумываешься при

видѣ семь и чувство унынія вкрадывается въ душу. Не такъ ли все подлунное, надѣвая покровъ разрушенія, тонепѣ въ волнахъ бурныя рѣки времянѣ!

Уже нѣкоторыя сѣньны садовъ обители пустынной сражены рукою времени; на мѣсто яркой бѣлизны, они мрачны и бурый кирпичъ проглядываетъ изъ-за обрушившейся щеколетки, колышется на нихъ ковыль, и молодые деревья развѣваюшъ зелеными вѣтвями своими. Замѣненныя новыми, по мѣрѣ увеличиванія сада, прежнія сѣньны оставались въ ономъ и, полуразрушенныя нынѣ, они являютъ живописный видъ, будучи окружены розами и фіялками, возделанными опшельниками въ уединеніи. Уныло украшая сады, развалины сіи напоминаютъ анахоретамъ о плѣнносши всего существующаго въ мѣрѣ, который они оставили. Странникъ невольно усматриваетъ разительное сходство

разваливъ сихъ съ опшельниками: сіи обрѣкая оспатокъ дней своихъ уединенію, живутъ еще, и, можетъ быть, соспавляютъ украшеніе человѣческа; но уже не существуютъ болѣе для міра.

День былъ ясный и жаркій; но небо спало дѣлалось пасмурнымъ. Тучи собирались на горизонтѣ Рихловской обители, молніи пробѣгали по мрачному челу ихъ, опозвались удары грома въ высонахъ небесныхъ и сквозь лисньевъ дубровы спалъ пробивающійся дождь. Сіе заспавило насъ кончить прогулку и возвращились въ гостиницу.

По приглашенію родителей моихъ нѣкоторые монахи посѣщали насъ. Они повидимому были довольны бесѣдою и угощеніемъ, оказывали намъ великое усердіе, съ охотою повѣсивъ обо всемъ, примѣчательномъ въ обители ихъ. Иные изъ нихъ еще молоды: другіе, оставивъ міръ на полови-

нѣ пущи, ве дущаго къ почестямъ, по-
ѣдѣли въ снѣнахъ обитали. Како
спешеніе жизни, какія побужденія
принудили ихъ оснавити міръ сей?
Лица ихъ носятъ отпечатокъ боре-
ній душевныхъ, горести и веселіе за-
мѣтны во взорахъ ихъ; подобно сво-
ду небесному, на коемъ вѣетъ лена-
ютъ громовыя тучи и сіяетъ лазурь.
Если наблюдать человека въ различ-
ныхъ обстоительствахъ его жизни
поучительно, то Философъ нашелъ
бы дѣятельности своей пищу, наблю-
дая состояніе души иноковъ; но для
сего потребно долгое время.

Наружность одного опшельника
была прогипельна. Онъ весьма мо-
лодъ; только пухъ еще покрываетъ
ланины его; чело цвѣтитъ свѣже-
стію; но во взорахъ видна задум-
чивость. Монахи намъ сказывали, что
онъ у нихъ недавно, посвященъ въ
рисофоріи и веденъ самую строгую
жизнь. Весьма желали пилигримы уз-

напѣ повѣсть жизни его, и онъ, со скромностію удовольвоврилъ желаніямъ нашимъ, разказавъ кратко, какъ судьба преграждала ему путь къ свѣтской жизни, какъ на семнадцатомъ году онъ лишился зрѣнія; но въ день 9 го Маія, руководимый малперію своею, (помѣщицею сосѣдственной деревни) онъ пришелъ къ иконѣ Св. Угодника на поклоненіе. Приближась къ обители, онъ вдругъ прозрѣлъ въ виду многочисленнаго народа, изъ коихъ многіе знали о слѣпотѣ его. До глубины души пронуло сіе юношу, и онъ пожелалъ быть служилелемъ Угодника, возврапившаго ему зрѣніе. Впрочемъ замѣнилъ я, что иноки съ охотою разказывая о другихъ предметахъ о себѣ молчали болѣе, или говоряпъ единственно то, что служипъ къ назиданію: сія черта мнѣ показалась уважительною и прилично ихъ званію.

Облака гонимыя вѣтромъ, то оспиа-

вляли сводъ небесъ, то опять разливались, опять блиспали молніи и рождалъ громъ. Звонъ колокола, сливаясь со гласомъ грозы, раздался на баниѣ монастырской, призывая къ вечернему моленію. Иноки отправились во храмъ, а въ слѣдъ имъ и пилигримы. Во храмъ, какъ и вчера раздавались священныя пѣснопѣнія, лампы разливали дрожащій свѣтъ, и блескъ молній, проникая въ окончины, освѣщаль по временамъ мрачныя своды. Благоговейный шепеть проникалъ сердца молеющихъ при сильныхъ ударахъ грома, побрясавшаго стѣны пустыннаго храма. Съ большимъ усердіемъ возносились молитвы челоуѣковъ, кои въ сіи минушы живѣ чувствовали слабость свою и ничтожество передъ Тѣмъ, во храмъ Копораго повергались ницъ. Но Небо, какъ бы сжалившись надъ устрашенными смѣртными и, желая пролить въ шепетныя сердца ихъ утѣ-

шеніе, мало по малу прояснилось, громъ утихъ, пучи умчались и луна пролила опрадный свѣтъ въ окна церковныя, когда Іеромонахъ, по окончаніи жершвы вечернія, благословлялъ моельщиковъ.

Мы отправились въ геспиницу. Вечеръ освѣженный благопворнымъ дождемъ дышалъ, казалось, здоровьемъ; дуброва наполнилась благоуханіемъ. Какъ и прежде гремѣли соловьи, и въ хорѣ блистательныхъ звѣздъ, плыла Царица ночи по синему своду небесъ.

На претій день приѣзда нашего, по окончаніи заупрени, мы приложились къ Святой Иконѣ. Настоятель Монастыря подарилъ родителямъ моимъ гравированное изображеніе Св. Угодника, и мы, принявъ опъ него благословеніе, проспившись съ добрыми монахами и обителью, отправились въ путь. Благопріятствуемые пихою погодою и благораспвореннымъ воздухомъ, мы медленно ѣхали подъ сѣнію

вѣковыхъ дубовъ и елей, бывшихъ, можетъ быть, свидѣтелями знаменитыхъ событій отечества, и нынѣ дающихъ въ тѣни своей приютъ многимъ тысячамъ странниковъ.

Наконецъ мы выѣхали изъ мрачной дубровы. На берегахъ Десны за деревнею Оболоньемъ, я еще разъ взглянулъ на обищель, которая бѣлѣлась на синѣющемъ морѣ лѣсовъ. Все, что я видѣлъ въ оной и чувствовалъ, вдругъ отразилось въ душѣ моей и завѣщало, казалось, сердцу моему сладостныя воспоминанія... Въ восторгъ чувствъ, я благодарилъ Угодника искренно, позволившаго мнѣ вкусить возвышенныя удовольствія въ Его пустынной Обищели.
